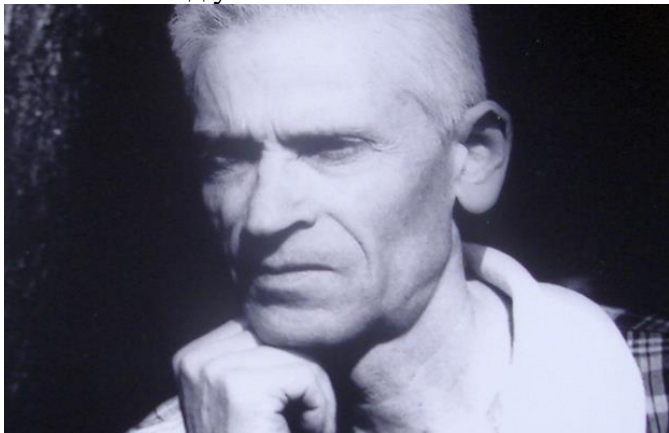

Бог говорил с нами его устами

Пять лет назад ушёл из жизни большой поэт Николай Перовский.

Николай Михайлович приносил свои стихи, словно распахнутое сердце. Бережно и доверчиво читал тёплые строки — и наши сердца благодарно перестукивались в ответ.

Его слова всегда были выверены, точны. Взгляд устремлялся тебе в душу, зная, что обязательно отыщет там отклик. Голос был негромок и чист, как песня степного кулика. Беззаветно любил Перовский орловские улицы и тропы. Его ровная походка угадывалась издали, такая естественная среди аллей, домов, цветников. Поэт любил гулять по утрам, к газетному киоску или знакомому переулку.

Прозрачные воды Орлика пленяли его, будто дружеская речь. Он знал, как правдива природа, как отзывчива. Казалось, сам воздух наш поил его рифмами, плотными, единственно верными.

Приходилось видеть Перовского, среди неспешной доброй беседы встающего неожиданным рывком с дивана и торопливо пишущего карандашом на бумажном обрывке хлынувшие из души строки — свежие, дивные. Лист заполнялся косым мелким почерком, краешек стола словно бы раздвигался, давая простор мастеру. Поэт слегка виновато объяснял: — Стишата пошли...

Он намеренно называл таинство внезапного вдохновенья вот так обыденно-ласково, чуточку даже виновато — и тут же читал вслух написанное; и строки слышались, будто музыка, продиктованная кем-то вышним.

Совершенство жило в нём естественно, словно дыхание; и всё же через день — другой Николай Михайлович вносил в уже готовые строфы небольшую правку, добиваясь полной, одному ему слышимой гармонии. И через несколько дней снова брал лист, и снова бережно правил.

Не сразу угадывалось, что ему надо; со стороны казалось, будто улучшить стих уже невозможно, однако вскоре жить без этих его строк мы, верные слушатели поэта, просто не могли. Рифмы пели в памяти, их хотелось повторять, впитывать, глотать, как неиссякаемую живую воду.

Всё мне кажется — вот он покажется,

Зазеркалье откинув на миг,

И окажет себя — и окажется

Неосвоенным, как материк.

Николай Перовский был необыкновенным другом, щедрым и обязательным. Ему платили тем же, друзья у поэта были столь же щедры сердцем; они помнят его до сих пор; пишут картины, дарят воспоминанья. Совсем недавно в Набережных Челнах альманах «Аргамак» напечатал большую поэму Перовского «Комната смеха».

Это даже не поэма, а целый роман в стихах; произведение глубокое, философское. Жена

поэта Лидия Перовская свято хранит наброски, находит на книжных стеллажах, среди старых страниц всё новые рифмованные задумки мужа. Михалыч не вёл архивов, поэтому супруга постоянно подбирала за ним черновики, оказавшиеся сейчас бесценными. Поэзия Перовского всё ширится масштабом, всё яснее становится его мощный талант, которым восхищались при жизни и которым читатели всё более восторгаются ныне.

Он был покладист и доверчив,
Считал — до неба полверсты,
Он каждый день и каждый вечер
Был с мирозданием на «ты».

Судьба не щадила поэта: у Николая было сиротское детство, беспокойная юность, неусидчивый характер. Всегдашняя открытость людям везде помогала находить близких душой друзей. Его родиной стали белгородские и орловские земли, в курском селе Михайловка библиотеку назвали именем Перовского.

Имя это помнит столица, помнят уральские, кемеровские, сибирские поэты. О Перовском пишут литературоведы. Строки его живут, звенят, утоляют жажду, словно неизбывный целебный родник.

И все же эта жизнь однообразная
У каждого отдельная, своя,
Все, кто живет, страдая или празднуя,
Достойны строчки в Книге Бытия.

12 Сентября 2012 12:08

Источник: Юрий Оноприенко

//Орловская правда. – 2012. - № 137 (15 сент.). – С.8